

---

# СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

---

## SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

---

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219>



### Специфика мотивации разных форм социального участия населения

И. Н. Воробьева<sup>1</sup> ✉

<sup>1</sup> Череповецкий государственный университет  
Советский пр-т, д. 8, г. Череповец 162600, Российская Федерация

✉ e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru

#### Резюме

**Актуальность.** В соответствии с постмодернистским подходом основной движущей силой социальных изменений являются наиболее активные слои населения, социальные акторы. Уровень активности населения может быть измерен количеством практик его социального участия, которые можно разделить на три формы: формальное участие в организациях, неформальная помощь и помогающее поведение. Наиболее актуальной задачей является изучение мотивации социального участия наиболее активных слоев населения для стимулирования социальной активности населения в целом.

**Цель** – выявить сущность мотивации социального участия населения.

**Задачи:** измерить и проанализировать выраженность основных практик социального участия по результатам эмпирического исследования; определить детерминирующие мотивы у разных форм социального участия.

**Методология.** Эмпирической базой исследования стал опрос жителей города Череповца Вологодской области, проведенный в апреле 2022 г.

**Результаты.** Практики социального участия неравномерно представлены по разным его формам. Мало развиты практики формального участия. Вовлеченные в данные практики, как правило, мотивированы на себя, саморазвитие, получение нового опыта, знаний, личный успех, карьеру. Более широко развиты практики неформального участия, которые наиболее сосредоточены в благоустройстве городской среды, благотворительности, волонтерской деятельности. Сочетаются мотивы изменения окружающей среды, альтруистические помощи людям и мотивы личного развития. Наиболее развиты практики помогающего поведения, где основным мотивом выступает альтруизм, желание помочь ближнему.

**Выводы.** Мотивация социального участия имеет сложную комбинированную структуру. Доминирующей мотив участия, как правило, идет в связке с двумя-тремя мотивами из разных видов мотивации. Мотивация разных форм социального участия существенно отличается.

---

**Ключевые слова:** социальное участие; мотивация социального участия; помогающее поведение; волонтерство; деятельность ресурсы.

**Конфликт интересов:** В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

**Для цитирования:** Воробьева И. Н. Специфика мотивации разных форм социального участия населения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 203–219. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219>.

Поступила в редакцию 18.04.2023

Принята к публикации 11.05.2023

Опубликована 30.06.2023

© Воробьева И. Н., 2023

---

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /  
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(3): 203–219

## Specificity of Motivation of the Main Forms of Social Participation of the Population

Irina N. Vorobeva<sup>1</sup> ✉

<sup>1</sup> Cherepovets State University  
8 Sovetsky Ave., Cherepovets 162600, Russian Federation

✉ e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru

### Abstract

**Relevance.** In accordance with the postmodern approach, the main driving force of social change and development are the most active segments of the population, social actors. The level of activity of the population can be measured by the number of practices of its social participation, which can be divided into the following forms: formal participation in organizations, informal assistance and helping behavior. To stimulate social activity, it is necessary to study the motivation for social participation of the most active segments of the population.

**The purpose is** reveal the essence of the motivation of social participation of the population.

**Objectives:** measure and analyze the severity of the main practices of social participation based on the results of an empirical study; determine the determining motives for different forms of social participation.

**Methodology.** The empirical basis of the study was a survey of residents of the city of Cherepovets, Vologda Oblast, conducted in April 2022.

**Results.** Practices of social participation are unevenly represented in its various forms. Practices of formal participation are underdeveloped. Involved in these practices, as a rule, they are motivated for themselves, self-development, gaining new experience, knowledge, personal success, career. The practices of informal participation are more widely developed, which are most concentrated in the improvement of the urban environment, charity, and volunteer activities. The motives for changing the environment, altruistic help to people and motives for personal development are combined. The most developed practices of helping behavior, where the main motive is altruism, the desire to help others.

**Conclusions.** The motivation for social participation has a complex multicomponent structure. The dominant motive of participation, as a rule, goes in conjunction with two or three motives from different types of motivation. The motivation of different forms of social participation differs significantly.

**Keywords:** social participation; social participation motivation; helping behavior; volunteering; activity resources.

**Conflict of interest:** In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

**For citation:** Vorobeva I. N. Specificity of Motivation of the Main Forms of social Participation of the Population. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023; 13(3): 203–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219>.

Received 18.04.2023

Accepted 11.05.2023

Published 30.06.2023

\*\*\*

### Введение

В установках и ценностных ориентирах населения любой территории заложен деятельностный потенциал её развития. В соответствии с постмодернистским подходом основной движущей силой социальных изменений являются социальные акторы, чьи практики преобразуют социальные структуры и окружающую их реальность [1]. Деятельностную позицию акторов можно измерить через их уча-

стие. Участие можно определить как реализуемую практику в рамках определенного территориального и социального пространства с присущими ей социальными, культурными, политическими и историческими особенностями [2]. Практики участия часто рассматриваются как фактор развития городской среды, городского пространства [3; 4; 5]. Как объясняют отечественные исследователи, развитие практик соучаствующего управления в городском пространстве получило

распространение на фоне ухода от давления пропагандируемых гражданских ценностей [6] и от политической активности [7]. В силу необходимости активизации населения, стимулирования и мобилизации менее активных слоев необходимо изучение и определение мотивации социального участия наиболее активных слоев населения, которых мы определяем как агентов социальных изменений [8].

Для начала необходимо определить, что мы будем понимать под категорией социального участия. На данный момент общепринятого подхода ни в зарубежной, ни в отечественной литературе к трактовке категории социального участия не существует. Почти синонимичными зачастую выглядят категории социального, общественного и гражданского участия. Гражданское участие пересекается с политическим и захватывает практики борьбы за свои права и свободы. Социальное чаще определяется как помогающее, а общественное заимствует практики как социального, так и гражданского, но более сосредоточено в коллективных действиях неополитического плана. В отечественной литературе многие авторы приводят свои способы разделения данных категорий. Самые цитируемые из них – И. А. Скалабан и Л. И. Никовская [9; 10], А. А. Мерзляков и В. С. Богданов [11], М. В. Певная и Е. А. Шуклина [12; 13], Т. Е. Зерчанинова, Н. П. Мудрецова и А. С. Никитина [14], Ю. В. Уханова [15]. В отечественной литературе наиболее распространенным является подход И. А. Скалабан, согласно которому под социальным участием понимается «коллективная деятельность людей, горизонтальная активность, осуществляемая ими в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса» [9, с. 137]. Социальное участие как деятельность сопрягается с пространством (место жительства, работы, отдыха), определяющим в заданных границах структуру и характер социальных отношений [12]. Также получил распространение и подход, обозначенный в работе

А. А. Мерзлякова и В. С. Богданова, когда социальное участие трактуется с точки зрения увязывания интересов ответственности и властных структур [11, с. 67].

Наиболее однозначным для интерпретации и изучения участия, на наш взгляд, является изучение практик участия по его формам, который достаточно детально представлен в европейском социальном исследовании и часто используется отечественными исследователями. К формам относятся: формальное участие в деятельности общественных организаций, неформальное общественное участие, неформальная помощь. Формальное участие интерпретируется как членство в общественных организациях и движениях, к неформальному участию относится групповая деятельность людей, направленная на коллективное решение проблем, чаще всего связанная с благоустройством территории, благотворительной помощью, добровольчеством. Неформальная помощь или помогающее поведение отличаются тем, что могут носить глубоко личностный индивидуальный характер и не быть инициализированными какой-либо группой или организацией.

Изучение мотивации именно социального участия не распространен в научной среде, поэтому теоретической базой выявления основных мотивов стали работы по изучению мотивации социальной активности в целом и мотивации наиболее распространенного вида социального участия – волонтерской деятельности.

На социальную активность населения влияют внутренние и внешние факторы. Внешними факторами, как правило, выступают развитость общественных организаций в регионе, активность муниципальных властей в своей политике по активизации населения. Как пишут в своей работе А. С. Мельникова и И. И. Щемелева: «В одних случаях может доминировать активность со стороны самого субъекта, и тогда речь идет о высокой степени солидарности; в других случаях

превалирует организационное начало, активность проявляется под воздействием внешних факторов, и солидарность проявляется в меньшей степени» [16]. Программы развития социальной активности и анализ государственной политики являются отдельной темой исследования и активно изучаются в отечественной науке, особенно в плане продвижения молодежной политики [17; 18; 19; 20]. Мы в своей статье остановимся больше на внутренних факторах, факторах мотивации, которая заложена в ценностных установках, ориентирах.

В последнее время среди всех форм участия получило распространение участие на местном, повседневном уровне, через которое и происходит самоутверждение собственных ценностных ориентиров, заявление своего «права на город» [18]. Концентрацию участия на локальном уровне подтверждают работы В. В. Петухова. Автор эмпирическим путем по результатам общероссийских исследований доказывает, что неполитическое участие, как правило, сосредоточено на тех направлениях, которое связано с повседневной жизнью [21].

Е. С. Соколова, изучая мотивацию социальной активности молодежи, рассматривает следующие компоненты: потребностную, целевую и внутреннего контроля. Потребностная является основополагающим источником энергии для активности. Среди потребностей автором выделены следующие: в общении, в личностном росте, в самореализации, в признании и уважении, в оказании помощи, в получении знаний, в привлечении к себе внимания, в благополучии и престиже. Целевая подструктура подразумевает осознанные образы будущего результата, на которое направлено действие человека. Целью может быть как сам процесс участия, так и результат. В подструктуру внутреннего контроля входят интересы и склонности личности, убеждения, идеалы, система ценностей, социальные установки и психологические отношения личности, которые осуществляют нрав-

ственный контроль при выборе цели, а также средств и способов достижения этой цели [22].

Среди всех форм социального участия наиболее изучена в научной литературе мотивация волонтерской деятельности, добровольчества [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Чаще всего приводится классификация основных мотивов, выделение преобладающих. Наиболее полно систематизированы мотивы волонтерской деятельности в работе В. Н. Стегний и М. В. Никонова. Они выделяют следующие мотивы: карьерные (возможность доступа к высокому статусу, обучения, новый опыт); расширения социальных контактов (в том числе стремление чувствовать себя полезным, нужным людям); компенсаторные мотивы (защита собственных интересов, реализация собственных идей, преодоление чувства одиночества); альтруистические мотивы (сострадание); мотивы долга (отдать долг обществу, гражданская ответственность); личностного роста (самоактуализация, самореализация) [23].

Х. К. Анхайер и Л. М. Саламон выделяют альтруистические мотивы (помогать нуждающимся, дарить надежду обездоленным), инструментальные (опыт, навыки, знания, связи), мотивы долга (вклада в местное сообщество, политическая обязанность добиться перемен) [24]. Ф. Фуэнтос определил две основные группы: ориентация на себя – «эгоцентристы» и ориентация на других – «гетероориентированные» (альтруисты) [25].

Е. С. Азарова определяет мотивы выгоды, расширения социальных контактов, идеалистические мотивы, компенсаторные мотивы, мотивы личностного роста. Эмпирическим исследованием она доказывает, что преобладающее значение имеют мотивы прагматического характера: получение практического опыта, обретение новых друзей [26].

А. С. Мельникова, И. И. Щемелева методом факторного выделили шесть факторов, типов мотивации социальной

активности, которые были обозначены следующим образом: ориентация субъектов в своих действиях на интересы первичной группы, взаимодействие и реализацию коллективных действий, альтруизм, перекладывание ответственности на других, проявление личной инициативы, прагматизм и осуществление рациональных действий [16].

Д. Баркер в своей работе делает анализ мотивации разных возрастных групп населения и приходит к выводу, что молодое поколение более ориентировано на себя, мотивация более инструментальна, тогда как среди более старшего поколения мотивация более ценностна, альтруистична [27]. Е. А. Преликова подтверждает данные закономерности, эмпирически доказывая, что для молодежи наиболее значимы мотивы самореализации [28]. Со временем происходят сдвиги в мотивации волонтеров, они всё больше хотят видеть связь между вкладом и усилиями, с одной стороны, и их результаты – с другой. Как следствие, волонтеры больше интересуются краткосрочными заданиями с ощутимой отдачей [27].

Исследователи утверждают, что чисто альтруистической мотивации волонтерской деятельности не существует. Большинство исследователей, как зарубежных [24], так и отечественных [22; 29; 33], опирающиеся на эмпирический результат, доказывают, что мотивация волонтерской деятельности носит комплексный характер и не существует единого мотива, есть только доминирующий в определенный период времени, причем он может меняться в течение волонтерской деятельности. Например, Е. С. Соколова пишет, что основой волонтерской деятельности является альтруистический мотив, но потом он перерастает в мотив самореализации, самосовершенствования, получения опыта. Даже вводится категория «волонтерство по расчету»: осознанная работа на безвозмездной основе с целью получения опыта работы, бесплатного обучения или получения необходимых для карьеры

навыков. Получается добровольчество на условиях «взаимовыгодного сотрудничества». Наиболее распространенные мотивы: получение личного опыта работы в определенной сфере, возможность бесплатного обучения (курсы, семинары, тренинги), возможность увидеть мир и познакомиться с другими культурами и странами [22].

Мы среди форм социального участия отдельным видом в соответствии с классификацией европейского социального исследования выделяем помогающее поведение. Ю. В. Ковалева среди мотивов помогающего поведения актуализирует тему так называемого реципрокного обмена. Согласно проведенному автором исследованию, более половины респондентов (58,8 %) отметили, что часто оказывают помощь, надеясь получить ее в подобной ситуации [34]. Также это является элементом накопления собственного социального капитала, расширения связей с целью, чтобы им помогли в случае сложной жизненной ситуации.

Таким образом, следует обобщить, что сущность мотивации социального участия неоднозначна и носит комбинированный характер. Наиболее общие мотивы, которые мы можем выделить: мотивация личностного развития (самореализация, получение практических навыков); коммуникационные (уход от одиночества, новые друзья, общение); альтруистические (помощь нуждающимся), ориентированные на изменение повседневного пространства (изменение окружающей реальности, городской среды и т. п.); выражение своей гражданской позиции, реципрокная мотивация (помощь в надежде получить помощь в ответ в случае необходимости). Мотивация разных форм участия может существенно отличаться. На наш взгляд, наиболее полным является выявление мотивации социального участия в разных его формах: формального участия, членства в организациях, неформального участия и помогающего поведения, которые мы проанализируем в эмпирической части статьи.

## Материалы и методы

Эмпирической базой настоящего исследования стали данные опроса населения города Череповца Вологодской области, который был проведен в апреле 2022 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет – участников опроса. Генеральная совокупность – население города Череповца старше 18 лет составляет 243 тыс. человек. Выборочная совокупность – 668 человек, репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам. В соответствии с существующей структурой города было опрошено 44% мужчин и 56% женщин; 9% населения в возрасте 18-24 года; 25% – 25-34 года; 23% – 35-44 года, 16% – 45-54 года, 14% – 55-64 года и 13% в возрасте 65 лет и старше.

Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук).

Для работы с массовыми социологическими данными использовались приемы построения и анализ линейных (одномерных) и парных (двумерных) частотных распределений и таблиц, факторный анализ.

## Результаты и их обсуждение

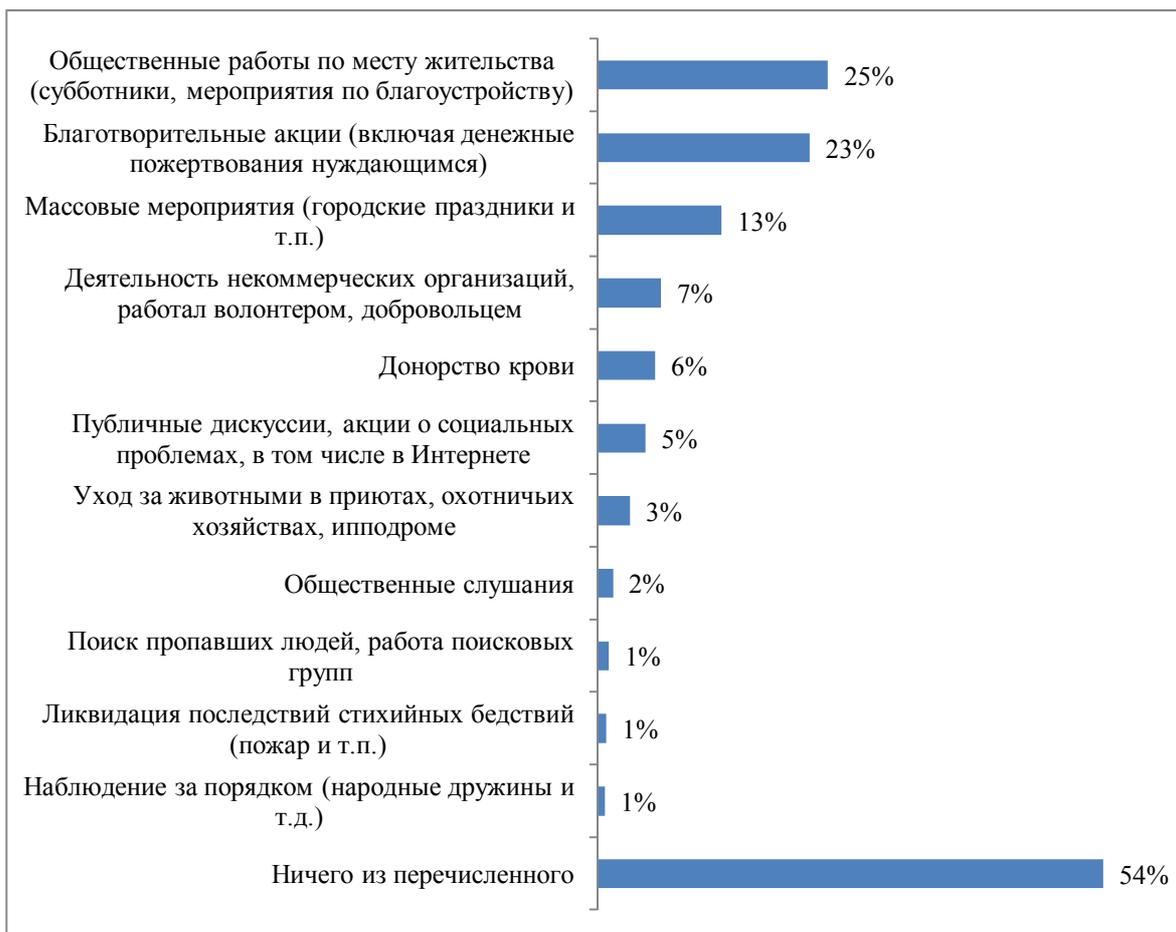
Обозначим уровень развитости практик разных форм социального участия в соответствии с приведенной в теоретической части классификацией: формальное участие, неформальное участие, помогающее поведение.

Формальное участие в нашем городе, так же как и по результатам общероссийских исследований [20], выражено достаточно слабо. 72% населения не состоят

ни в одной из формальных организаций. 15% состоят в одной организации, 6% – в двух, только 5% – в трех организациях и более. Среди формального участия наиболее распространено членство в профсоюзах, в них состоит 9%. Данный факт объясняется еще спецификой города. Череповец является промышленным центром Вологодской области, в нем расположены предприятия металлургической и химической промышленности, на которых еще с советских времен сохранилась традиция сильных профсоюзов. Но проблема в том, что членство в этих организациях зачастую носит, скорее всего, формальный характер и не является залогом активных действий со стороны их участников. 6% населения состоят в родительских комитетах, хотя данные организации можно назвать формальными организациями низового уровня, так в них чаще реализуются проблемы собственной семьи и детей, чем решение каких-то общественных проблем. 4% состоят в организациях физкультуры и здорового образа жизни. По три процента населения состоят в организациях творческих, группах в Интернете, предпринимательских организациях, ветеранских и культурной направленности. В остальных организациях состоят менее трех процентов.

Существенно более развиты практики неформального участия, в них принимало участие 46% горожан. Как доказывают ведущие российские исследователи, практики участия переходят в неформальное русло и практики повседневной жизни, такие как благоустройство и соучаствующее управление (рис.1).

Среди горожан более всего распространены практики общественных работ по месту жительства (25%) и благотворительные акции (23%). Существенно меньше население принимает участие в массовых мероприятиях (13%). В последние год-два работали волонтером, добровольцем 7% населения, 6% были донором, 5% принимали участие в публичных лекциях, 3% осуществляли уход за животными.



**Рис. 1.** Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?»

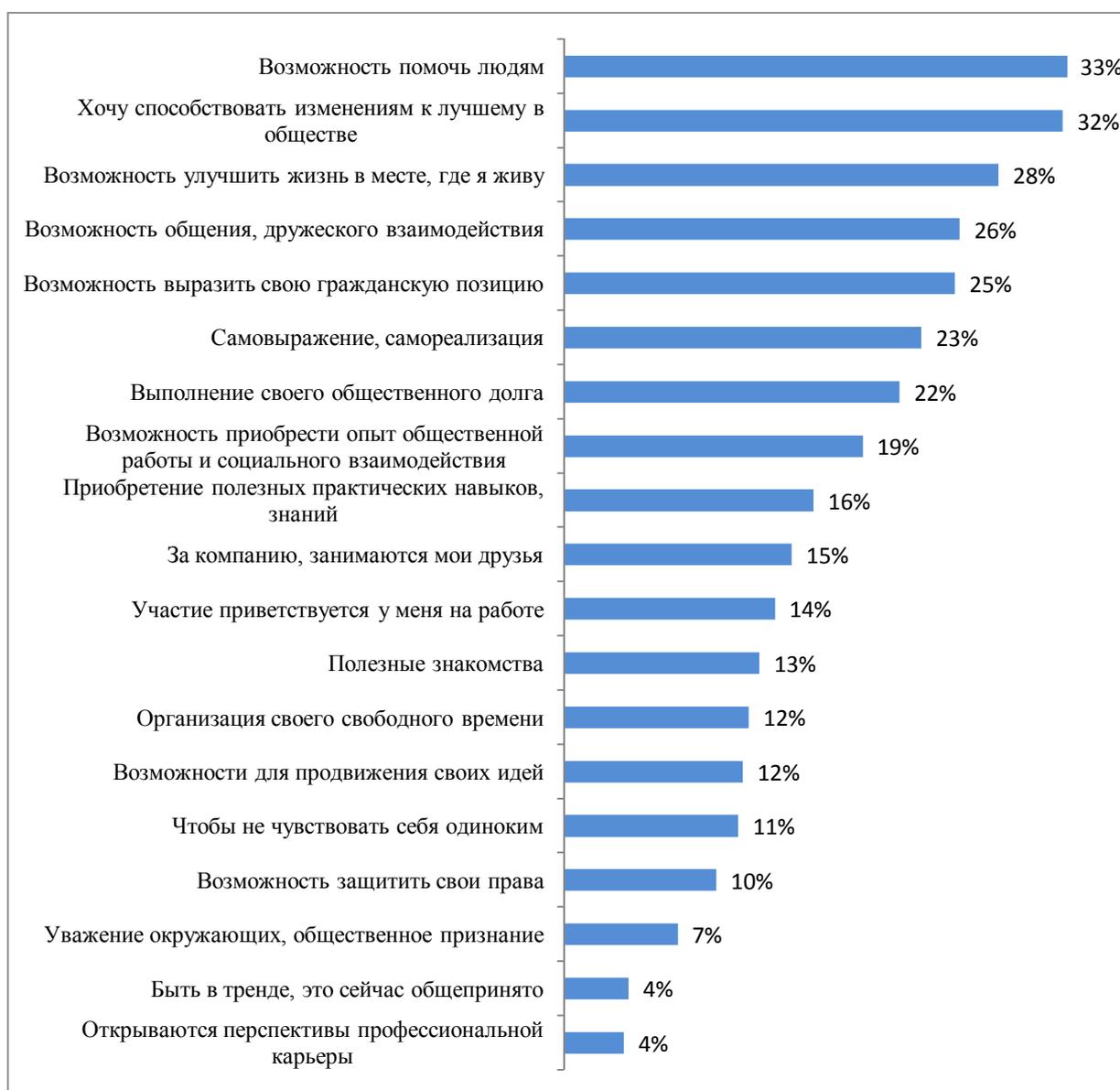
Существенно шире развиты практики помогающего поведения, только 21% населения за последнее время не использовали ни одной из практик безвозмездной помощи. Наиболее распространенные практики: поддерживать морально, психологически (48%), помогать вещами, продуктами (40%), деньгами (39%), в домашних делах (33%). Менее развиты практики вызова врача на дом (20%), помощь транспортом (20%), присмотр за чужими детьми (19%). На третьем месте – помощь в поисках работы (12%), доставка на дом продуктов, одежды, медикаментов (12%), помощь в уходе за престарелыми, больными 8%. Остальные практики – 6% и менее.

Для изучения мотивации социального участия после вопроса о формах не-

формального участия был задан вопрос: «Причин социального участия много, какие наиболее важны лично для Вас?» (рис. 2). Для анализа мотивации мы отобрали только тех респондентов, которые использовали в последнее время хотя бы одну практику неформального участия, их в выборке 46%. Для классификации были применены те виды мотивации, которые приведены в первой части статьи. Разные группы мотивов представлены несколькими суждениями. На первом месте идет альтруистический мотив – «возможность помочь людям» (33%), на втором месте – группа мотивов изменений повседневного пространства («хочу способствовать изменениям к лучшему» (32%) и «возможность улучшить жизнь в месте, где живу» (28%)). На третьем месте с очень маленьким отрывом мотива-

ция коммуникационного плана – «возможность дружеского общения, взаимодействия» (26%), также достаточно популярен ответ – «за компанию, этим занимаются мои друзья» (15%). Мотивы выражения гражданской позиции идут следующими: возможность выразить свою позицию (25%); возможность защитить свои права (10%). Личностные мотивы вроде как идут вторым планом, но в общей сумме всех выбранных опрошенными вариантов занимают су-

щественную долю ответов. Среди них наиболее всего развиты мотивы самовыражения, самореализации (23%), возможность приобрести опыт общественной работы (19%), приобретение полезных практических навыков (16%), полезные знакомства (13%). Отметим, что перспективы карьерного роста находится как мотив почти на последнем месте, и его выбрало только 4% респондентов, принимающих участие в тех или иных практиках неформального участия.



**Рис. 2.** Распределение ответа на вопрос: «Причин социального участия много, какие наиболее важны лично для Вас?»

Был проведен факторный анализ мотивов социального участия (табл. 1). Метод выделения – метод главных компонент, вращение – варимакс с нормализацией Кайзера. Сумма дисперсии, объясняемая выделенными факторами, составила 54%. В первый фактор, наиболее значимый, вошли такие мотивы, как самовыражение и самореализация с факторной нагрузкой 0,75, полезные знакомства (0,64) и возможности для продвижения собственных идей (0,49). Схожий по смыслу пятый фактор, в который вошли переменные «приобретение полезных практических навыков, знаний» (0,58) и «перспективы профессиональной карьеры» (0,76). Эти оба фактора показывают тип личной мотивации, ориентацию на себя, на свое развитие и достижение результата через участие.

Второй фактор можно обозначить как коммуникационный, здесь такие мотивы, как «чтобы не чувствовать себя одиноким» (0,60), «за компанию, занимают мои друзья» (0,55) и в связке идет мотив «быть в тренде, это сейчас общепринято» (0,67), что в принципе тоже показывает взаимообусловленность социальной составляющей, социального одобрения. Третий фактор близок ко второму, в него также вошел мотив «за компанию» и «уважение окружающих, общественное признание». Близок к данным коммуникационным факторам седьмой выделенный фактор, в который вошли мотивы «возможность общения, дружеского взаимодействия», «организация своего свободного времени».

**Таблица 1.** Результаты факторного анализа по результатам ответа на вопрос по мотивам неформального социального участия

Суждения	Факторы							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Возможности для продвижения своих идей	0,49	0,01	0,25	-0,13	0,31	0,12	0,14	-0,12
Самовыражение, самореализация	0,75	-0,03	0,23	0,04	-0,22	0,16	-0,08	-0,15
Полезные знакомства	0,64	0,05	-0,14	0,07	0,20	-0,10	0,13	0,07
Быть в тренде, это сейчас общепринято	0,03	0,67	-0,09	0,02	0,15	0,00	-0,10	-0,03
Чтобы не чувствовать себя одиноким	0,05	0,60	0,02	-0,06	-0,26	0,15	0,20	0,13
За компанию, занимают мои друзья	-0,20	0,55	0,47	0,07	0,03	-0,20	0,08	-0,17
Уважение окружающих, общественное признание	0,13	-0,28	0,70	0,01	0,08	0,02	-0,15	0,05
Хочу способствовать изменениям к лучшему в обществе	0,03	0,03	-0,01	0,79	-0,11	0,18	-0,18	0,21
Возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия	0,11	0,03	0,28	0,63	0,17	-0,27	0,22	-0,18
Возможность улучшить жизнь в месте, где я живу	-0,31	-0,39	-0,16	0,44	0,10	0,26	0,10	-0,08
Приобретение полезных практических навыков, знаний	0,25	0,09	-0,31	0,23	0,58	0,02	-0,17	-0,06
Открываются перспективы профессиональной карьеры	-0,02	-0,04	0,11	-0,05	0,76	0,09	0,05	0,09
Возможность выразить свою гражданскую позицию	0,14	0,13	0,03	0,00	-0,02	0,53	-0,27	0,24
Возможность защитить свои права	-0,02	-0,07	0,04	0,07	0,12	0,82	0,12	-0,12
Возможность общения, дружеского взаимодействия	0,29	-0,07	-0,13	0,20	0,05	-0,23	0,58	0,11
Организация своего свободного времени	-0,03	0,09	0,10	-0,13	-0,05	0,09	0,78	-0,07
Участие приветствуется у меня на работе	0,16	-0,14	0,26	-0,12	0,36	-0,07	-0,03	0,61
Выполнение своего общественного долга	-0,19	0,08	-0,04	0,12	-0,08	0,05	0,02	0,75
Возможность помочь людям	-0,06	-0,22	-0,54	-0,06	0,06	-0,08	-0,11	-0,08

Мотивы, ориентированные на изменение повседневного пространства, заключены в четвертом факторе, в который вошли следующие параметры: «хочу способствовать изменению к лучшему в обществе», «возможность улучшить жизнь в месте, где я живу» (0,79), с ними в связке идет мотив «возможность приобретения опыта общественной работы» (0,63). В отдельный седьмой фактор вошли мотивы «участие приветствуется у меня на работе» (0,58) и «выполнение своего общественного долга» (0,78).

Интересен факт, что мотив «помочь людям» не коррелирует ни с одним из списка достаточно тесно. Еще значимым статистически фактом является то, что первый параметр, который нами обозначен как личностный или эгоцентричный, и второй (коммуникационный мотивы) отрицательно коррелируют с мотивом «возможность улучшить жизнь в месте, где живу». А третий фактор (коммуникации и общественного признания) отрицательно коррелирует с мотивом «возможность помочь людям».

Если факторный анализ позволяет очень условно выделить основные факторы мотивации, то при рассмотрении таблиц сопряженности мотивов между собой можно выделить более сложные и неоднозначные закономерности. Мы эмпирическим путем подтверждаем, что мотивация имеет сложный комбинированный характер, и однозначно выявить тип мотивации сложно, можно определить лишь более доминирующий в определенный момент или у определенного индивида мотив, но который, как прави-

ло, дополняется остальными из совсем разных, представленных в общепринятых классификациях, типов. Приведем результаты исследования (табл. 2). Так как вопрос изучения основных мотивов социального участия был поливариантный, мы сделали таблицу сопряженности мотивов между собой. И видим явные комбинации. Например, среди тех, кто выбрал мотив возможности самореализации, 32% выбрали мотив «возможности общения» и 33% «хочу способствовать изменениям в обществе». Из тех, кто выбрал личностный мотив «приобретение полезных навыков и знаний», 41% выбрали вариант «хочу способствовать изменениям к лучшему в обществе» и 24% – «возможность выразить свою гражданскую позицию», 37% – «возможность помочь людям». Из мотивов изменения повседневного пространства – наоборот. Из тех, кто высказался, что хочет «способствовать изменениям к лучшему», 21% выбрали приобретение полезных практических знаний, 32% – «возможность выразить свою гражданскую позицию», 14% – «полезные знакомства». Причем приведенные примеры статистически значимо у выделенных групп отличаются от среднего по выборке. Единственная значимая закономерность – среди тех, у кого доминирующий мотив «возможность помочь людям» наименее, чем в среднем по выборке, выражена мотивация ориентации на себя, на свои цели, что выражено в более низком процентом соотношении мотива самореализации, приобретения опыта общественной работы, возможности для продвижения своих идей.

**Таблица 2.** Взаимосвязь ответов между собой на вопрос: «Причин социального участия много, какие наиболее важны лично для Вас?», %

Суждения	Возможность помочь людям	Хочу способствовать изменениям к лучшему	Самовыражение, самореализация	Приобретение навыков, знаний	Общий
Возможность помочь людям	100	30	20	37	33
Хочу способствовать изменениям к лучшему в обществе	30	100	33	41	32
Возможность улучшить жизнь в месте, где я живу	32	40	15	30	28

Окончание табл. 2

Суждения	Возможность помочь людям	Хочу способствовать изменениям к лучшему	Самовыражение, самореализация	Приобретение навыков, знаний	Общий
Возможность общения, дружеского взаимодействия	23	23	32	33	26
Возможность выразить свою гражданскую позицию	19	32	33	24	25
Самовыражение, самореализация	14	24	100	28	23
Выполнение своего общественного долга	20	32	9	17	22
Возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия	13	33	24	26	19
Приобретение полезных практических навыков, знаний	18	21	20	100	16
За компанию, занимаются мои друзья	3	11	12	7	15
Участие приветствуется у меня на работе	9	12	14	20	14
Полезные знакомства	11	14	26	26	13
Организация своего свободного времени	8	5	11	2	12
Возможности для продвижения своих идей	8	7	26	17	12
Чтобы не чувствовать себя одиноким	7	12	15	4	11
Возможность защитить свои права	9	14	14	15	10
Уважение окружающих, общественное признание	3	9	17	4	7
Быть в тренде, это сейчас общепринято	3	4	3	7	4
Открываются перспективы профессиональной карьеры	3	3	3	13	4

*Примечание.* Приведены только наиболее значимые варианты.

Для выявления отличия мотивации разных форм участия была проведена кластеризация открытых вопросов, которые были заданы респондентам после каждого из вопросов по форме участия. Для формального участия был задан вопрос: «Если Вы принимаете участие в деятельности какой-либо организации, напишите, почему Вы это делаете, что это Вам дает?». Было получено 208 реплик. Самый большой кластер – «мотивация саморазвития, самореализации» – 27%. Наиболее распространенные реплики: «обучение», «опыт», «знания», «для развития карьеры», «полезные связи», «самореализация», «саморазвитие». На втором месте – кластер, который не был

заложен в закрытом вопросе про мотивацию участия, но прослеживается во всех формах участия, – это удовольствие от выполняемых работ – 19%. Характерные реплики: «способ отдохнуть от будней», «нравится», «это доставляет мне удовольствие», «новые развлечения», «это моё хобби», «положительные эмоции». На третьем месте мотив коммуникации – 16%. Наиболее распространенные реплики по данному кластеру: «общение», «новые знакомства», «улучшение навыков коммуникации», «познакомиться с новыми людьми». Мотив коммуникации чаще всего был в связке с другими мотивами, особенно с мотивами самореализации, саморазвития. С существенным отрывом

от трех самых крупных кластеров и практически одинаковой наполненностью (6-7%) четыре очень разных по содержанию кластера: «помощь людям» («от чистого сердца», «помочь людям», «возможность помочь нуждающимся»); «выразить свое мнение, свою позицию»; «для здоровья» («ради здоровья», «помогает сохранить физическую форму», «спорт – полезно», это те респонденты, которые входят в организации по здоровому образу жизни) и «участвовать в жизни своего ребенка, быть в курсе событий в школе в садике» (это членство в родительских комитетах в школе и дошкольных образовательных учреждениях), прагматические мотивы («это дает мне льготы», «путевки в санаторий» и т. п., чаще всего это члены профсоюзов). 5% – реплики улучшения окружающего мира («возможность улучшить жизнь для себя и общества», «потому что это нужно», «возможность влиять на происходящее»). 2% ответили, что это связано с их непосредственной работой, 2% – «чтобы быть в курсе событий в городе, районе».

После вопроса по изучению практик неформального участия помимо закрытого вопроса был задан открытый вопрос: «Почему Вы участвуете в этих видах деятельности, что это Вам дает?». Распределение реплик на этот вопрос существенно отличается от реплик по формальному участию. На первом месте – кластер «помощь людям» – 28% (частые реплики: «возможность помочь другим», «альтруизм», «сострадание», «любовь к ближним»), на втором месте – кластер «мне это нравится, получаю удовольствие» – 19% («просто нравится», «удовольствие», «есть чем заняться в свободное время»). Третий кластер – «изменение повседневного пространства» – 18%, данные реплики чаще давали активисты, которые принимали участие в благоустройстве территории, самой распространенной практике неформального участия. Респонденты отвечали: «хотелось сделать свой двор лучше, чище», «меня волнует жизнь моего города», «желание внести свой вклад в

будущее, сделать окружающую среду лучше», «помощь городу». С существенным отрывом кластер «чувство удовлетворенности от проделанной работы» – 9%. Примерно с одинаковой наполненностью – кластеры «мотивации общения» (7%), «это мой долг» (6%), «саморазвитие, опыт, знания» (6%). 3% реплик – «выразить свое мнение».

Значительно отличается мотивация помогающего поведения, здесь в большинстве случаев мотивы альтруистического плана. Чаще всего респонденты описывали свои чувства: «доброта», «жалость», «сострадание», «милосердие», «сочувствие», «зов сердца» (22%). Второй кластер (18%) – «помощь людям» («нужно помогать людям», «желание помочь», «хочу помогать людям»). Также мы эмпирическим путем доказали, что большинство практик помогающего поведения распространяются на близких родственников, потому что 17% респондентов ответили, что «это мои близкие люди», «не могу отказать близким», «семейный долг», «ответственность за близких», «они мои родственники». 10% не смогли озвучить свою мотивацию – ответили «просто так», «почему бы и нет», «если есть возможность помочь, то почему бы не помочь». На пятом месте – «значимый мотив», который мы можем описать как реципрокный обмен – 9%. Они обозначили свою позицию следующим образом: «сегодня помог ты, завтра помогут тебе», «необходима взаимовыручка», «чтобы мне потом это хорошо откликнулось», особенно отражает суть кластера реплика «Будешь Дахой – будешь Взяхой». На шестом месте – мотив «получаю от этого удовольствие» – 6% («мне это нравится», «я получаю от этого удовольствие», «я получаю удовлетворение от помощи людям», «мне становится легче, когда я помогаю»). 5% сказали, что это их долг. 3% – что их попросили, и они не могли отказать. Столько же, что «меня так воспитали» и «они нуждаются, поэтому я помогаю».

Таким образом, можно сказать, что основная мотивация формального участия

заключается в личностных мотивах, в саморазвитии, получении опыта, знаний, мотивах коммуникации и даже мотиве удовольствия от участия в деятельности той или иной организации. Формальное участие сосредоточено больше на себе, на самореализации и уже потом на помощи окружающим и изменении окружающего мира. Существенно отличаются практики неформального участия, которые сосредоточены чаще всего на мотивации социальных изменений, которая сосредоточена либо на помощи людям, либо на изменении окружающей среды, но также значим мотив удовлетворения от выполненной деятельности, удовольствия. И только после с существенным отрывом идет мотивация саморазвития и коммуникации. Вполне закономерно, что очень отличается мотивация помогающего поведения, которая, как мы выяснили, очень часто сосредоточена на близком круге окружения. Мотивация, как правило, носит альтруистический характер и опирается на чувства доброты, жалости, сострадания. Достаточно часто прослеживается и мотив реципрокного обмена, когда, помогая другим, люди рассчитывают, что им в ответ тоже помогут.

## Выводы

Социальное участие – очень сложная и многоаспектная категория. Некорректно изучать мотивацию социального участия в целом, не разделяя его на отдельные формы и даже практики, она очень дифференцирована. Уровень социального участия можно измерить через распространенность практик социального участия по трём формам: формальное участие, неформальное участие и неформальная помощь (помогающее поведение).

Социальное участие в последнее время переместилось в повседневные практики и чаще всего сосредоточено в коллективных действиях неформального характера без вовлеченности в деятельность организаций, что связано с уходом от политической активности и желанием заявить свое право на территорию проживания. Более всего из всех форм участия распространены практики помогающего поведения, но они, как правило, направлены на ближний круг.

Мотивация участия имеет сложный комбинированный характер. Достаточно редко бывает выражен один мотив участия. Этот факт доказывают ученые-исследователи в данной отрасли. Чаще всего мотивы самореализации тесно связаны с мотивами коммуникационными, изменения повседневной среды и альтруистическими мотивами. Значимую роль играет и гедонистический мотив, который слабо представлен в классификации мотивов отечественных и зарубежных исследователей, но достаточно развит среди населения. Эмпирическим путем мы доказали, что практики формального участия, членства в организациях, как правило, связаны с мотивацией личностного роста, саморазвития, коммуникационными мотивами. Практики неформального участия больше всего затрагивают сферу общих интересов, мотивацией является решение проблем общества, помощь нуждающимся, изменения окружающего пространства. Практики помогающего поведения строятся на альтруистических мотивах, но очень часто сосредоточены на своих близких и знакомых, имеют цель – получение взаимопомощи в обмен в случае сложной жизненной ситуации.

## Список литературы

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-пресс, 1996. 416 с.
2. Бухнер А. А. Участие молодежи в становлении гражданского общества как теоретическая проблема // Вектор науки Тольятинского государственного университета. 2015. № 4 (34) С. 111-115.

3. Ключникова Т. Н., Орлова В. Н. Социальные инновации: сетевой диалог и новые формы добровольческого участия молодежи в развитии городской среды // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 2 (115). С. 78-81.
4. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443-462.
5. Мельников М. В., Крейк А. И., Мельникова А. С. Отношение к общественному благу и социальная активность жителей городских и сельских поселений // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 23–30.
6. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3–27.
7. Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 1. С. 16–38.
8. Воробьева И. Н. Специфика ценностных установок агентов социальных // Siberian Socium. 2022. Т. 6, № 1 (19). С. 44-61.
9. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С.130-139.
10. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.
11. Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4. С. 65-77.
12. Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: основы методологии и теоретические положения концепции / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, М. Черникова-Бука, Е. Каземирчик, Д. Ф. Телепаева // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 184-200.
13. Шуклина Е. А. Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5. С. 101-113.
14. Зерчанинова Т. Е., Мудрецова Н. П., Никитина А. С. Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 119–127.
15. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 1. С. 88-107.
16. Мельникова А. С., Щемелева И. И. Солидарность как ресурс социальной активности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. С. 58–63.
17. Березутский Ю. В. Роль государственной молодежной политики в развитии социальной активности молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1 (82). С. 65–78.
18. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б. Право на город: мотивация социальной активности городской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6 (160). С. 15–19.
19. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–192.
20. Чернов А. С. Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 186–194.
21. Петухов В. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11-19.
22. Соколова Е. С. Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 18.

23. Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С.146-156.
24. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons. Manchester: Civil Society Working Paper, 2001. 20 p.
25. Fuentes F. C. Self-interest or goodwill? // The UNESCO courier. 2001. N 6. P. 26.
26. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120–125.
27. Barker D. G. Values and Volunteering. London: The Volunteer Centre, 1993.
28. Преликова Е. А. К вопросу социальной активности молодёжи в решении проблем благоустройства среды обитания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 3. С. 199–206.
29. Мерсиянова И. В. Государственная поддержка благотворительной деятельности: эмпирическая верификация намеченных действий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 4. С. 94–110.
30. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи / Т. Н. Мартынова, М. С. Яницкий, А. А. Зеленин, С. А. Пфетцер // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 160-167.
31. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4 (1). С. 63–71.
32. Холина О. И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 71–73.
33. Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 391–416.
34. Ковалева Ю. В. Мотивы помогающего поведения и их связь с самооношением личности // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12(20). С. 18.

## References

1. Sztompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij [Sociology of social change]; ed. by V. A. Yadova. Moscow, Aspect-press Publ., 1996. 416 p.
2. Bukhner A. A. Uchastie molodezhi v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva kak teoreticheskaya problema [Participation of youth in the formation of civil society as a theoretical problem]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Vector of Science of Togliatti State University*, 2015, no. 4 (34), pp. 111-115.
3. Klyuchnikova T. N., Orlova V. N. Social'nye innovacii: setevoy dialog i novye formy dobrovol'cheskogo uchastiya molodezhi v razvitii gorodskoj sredy [Social innovations: network dialogue and new forms of volunteer participation of youth in the development of the urban environment]. *Samoupravlenie = Self-Management*, 2019, vol. 2, no. 2 (115), pp. 78-81.
4. Antonova N. L., Abramova S. B., Polyakova V. V. Pravo na gorod: povsednevnye praktiki molodezhi i partisipaciya v proizvodstve gorodskogo prostranstva [The right to the city: everyday practices of youth and participation in the production of urban space]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, 2020, no. 3, pp. 443-462.
5. Melnikov M. V., Kreik A. I., Melnikova A. S. Otnoshenie k obshchestvennomu blagu i social'naya aktivnost' zhitelej gorodskih i sel'skih poselenij [Attitude to the public good and social activity of residents of urban and rural settlements]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2019, no. 3 (59), pp. 23–30.
6. Omelchenko E. L. Unikalen li rossijskij sluchaj transformacii molodezhnyh kul'turnyh praktik? [Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 1, pp. 3–27.

7. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Social'no aktivnyye gruppy rossijskogo obshchestva: formirovanie zaprosa na demokraticeskoe uchastie [Socially active groups of the Russian society: formation of a request for democratic participation]. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 16–38.
8. Vorobyova I. N. Specifika cennostnykh ustanovok agentov social'nykh [The specificity of value attitudes of social agents]. *Siberian Socium*, 2022, vol. 6, no. 1 (19), pp. 44–61.
9. Skalaban I. A. Social'noe, obshchestvennoe i grazhdanskoe uchastie: k probleme osmysleniya ponyatij [Social, public and civic participation: to the problem of understanding concepts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2011, no. 1 (13), pp. 130–139.
10. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendencii real'nogo razvitiya [Civic Participation: Features of Discourse and Real Development Trends]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2017, no. 6, pp. 43–60.
11. Bogdanov V. S., Merzlyakov A. A. Diagnostika potentsiala social'nogo uchastiya v kontekste organizatsii obratnoj svyazi mezhdu vlast'yu i naseleniem [Diagnostics of the potential of social participation in the context of the organization of feedback between the authorities and the population]. *Nauchnyy rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*, 2018, no. 4, pp. 65–77.
12. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Chernikova-Buka M., Kazemirchik E., Telepaeva D. F. Upravlenie social'nym uchastiem molodezhi v sociokul'turnom razvitii gorodov Rossii i postsovetских стран: osnovy metodologii i teoreticheskie polozheniya koncepcii [Management of the social participation of youth in the socio-cultural development of cities in Russia and post-Soviet countries: fundamentals of methodology and theoretical provisions of the concept]. *Nauchnyy rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 184–200.
13. Shuklina E. A. Metodologicheskie osnovy mezhdisciplinarnykh issledovaniy social'nogo uchastiya molodezhi postsovetских стран v sociokul'turnom razvitii goroda [Methodological foundations of interdisciplinary studies of the social participation of youth in the post-Soviet countries in the socio-cultural development of the city]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2020, no. 5, pp. 101–113.
14. Zerchaninova T. E., Mudretsova N. P., Nikitina A. S. Obshchestvennyye organizatsii kak aktory grazhdanskogo uchastiya molodezhi v mestnom samoupravlenii [Public organizations as actors of youth civic participation in local self-government]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia*, 2021, no. 1 (94), pp. 119–127.
15. Ukhanova Yu. V. Kollektivnyye praktiki i potentsial grazhdanskogo uchastiya lokal'nogo soobshchestva (sociologicheskoe issledovanie v rossijskikh regionah) [Collective practices and the potential of civil participation of the local community (a sociological study in the Russian regions)]. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 88–107.
16. Melnikova A. S., Schemeleva I. I. Solidarnost' kak resurs social'noj aktivnosti [Solidarity as a resource of social activity]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2022, no. 6, pp. 58–63.
17. Berezutsky Yu. V. Rol' gosudarstvennoj molodezhnoy politiki v razvitii social'noj aktivnosti molodezhi [The role of state youth policy in the development of social activity of youth]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia*, 2018, no. 1 (82), pp. 65–78.
18. Antonova N. L., Abramova S. B. Pravo na gorod: motivatsiya social'noj aktivnosti gorodskoy molodezhi [The right to the city: motivation of social activity of urban youth]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2021, no. 6 (160), pp. 15–19.
19. Zhelnina A. A., Tykanova E. V. Formal'nye i neformal'nye grazhdanskie infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and informal civic infrastructures: modern studies of urban local activism in Russia]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, no. 22 (1), pp. 162–192.
20. Chernov A. S. Social'no-politicheskaya aktivnost' molodezhi: ot doveriya vlasti k sotrudnichestvu [Socio-Political activity of youth: from the trust of the authorities to cooperation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, no. 11(3), pp. 186–194.
21. Petukhov V. V. Grazhdanskij aktivizm v Rossii: motivatsiya, cennosti i formy uchastiya [Civic Activism in Russia: Motivation, Values and Forms of Participation]. *Vlast' = Power*, 2014, no. 9, pp. 11–19.

22. Sokolova E. S. Strukturnyj podhod k ponimaniyu motivacii social'noj aktivnosti molodezhi [Structural approach to understanding the motivation of youth social activity]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2008, no. 2, p. 18.
23. Stegnyy V. N., Nikonov M. V. Motivaciya volonterskoj deyatel'nosti [Motivation for volunteering]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences*, 2018, no. 1, pp.146-156.
24. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in a cross-national perspective: Initial comparisons. Manchester, Civil Society Working Paper Publ., 2001. 20 p.
25. Fuentes F. C. Self-interest or goodwill? *The UNESCO Courier*, 2001, no. 6, p. 26.
26. Azarova E. S., Yanitsky M. S. Psihologicheskie determinanty dobrovol'cheskoj deyatel'nosti [Psychological determinants of volunteer activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2008, no. 308, pp.120-125.
27. Barker D. G. Values and Volunteering. London, The Volunteer Centre Publ., 1993.
28. Prelikova E. A. K voprosu social'noj aktivnosti molodyozhi v reshenii problem blagoustrojstva sredy obitaniya [On the Issue of Social Activity of Young People in Solving Problems of Environmental Improvement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, no. 10(3), pp 199–206.
29. Mersiyanova I. V. Gosudarstvennaya podderzhka blagotvoritel'noi deyatel'nosti: empiricheskaya verifikatsiya namechennykh deistvii [State support of charitable activities: empirical verification of intended actions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Issues of State and Municipal Administration*, 2009, no. 4, pp. 94–110.
30. Martynova T. N., Yanitsky M. S., Zelenin A. A., Pfetzer S. A. Dobrovol'cheskaya deyatel'nost' kak forma social'noj i grazhdanskoj aktivnosti studencheskoj molodezh [Volunteer activity as a form of social and civic activity of student youth]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, 2019, no. 1, pp. 160-167.
31. Kisilenko A. V. Volonterstvo: potencial samoorganizacii rossijskoj molodezhi [Volunteering: the potential of self-organization of Russian youth]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*, 2018, no. 4 (1), pp. 63–71.
32. Kholina O. I. Volonterstvo kak social'nyj fenomen sovremennogo rossijskogo obshchestva [Volunteering as a social phenomenon of modern Russian society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 8, pp. 71–73.
33. Klepikova A. A. Dobrovol'cy blagotvoritel'noj organizacii v gosudarstvennom uchrezhdenii dlya lyudej s tyazhelej invalidnost'yu: konstrukty volonterstva i professionalizma [Volunteers of a charitable organization in a public institution for people with severe disabilities: constructs of volunteerism and professionalism]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = Journal of Social Policy Research*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 391–416.
34. Kovaleva Yu. V. Motivy pomogayushchego povedeniya i ih svyaz' s samootnosheniem lichnosti [Motives of Helping Behavior and Their Relationship with Self-Attitude of the Personality]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern Studies of Social Problems*, 2012, no. 12(20), p. 18.

### Информация об авторе / Information about the Author

**Воробьева Ирина Николаевна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация, e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru  
Researcher ID: AAX-4496-2021,  
ORCID: 0000-0001-5970-051X

**Irina N. Vorobeva**, Cand. of Sci. (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru,  
Researcher ID: AAX-4496-2021,  
ORCID: 0000-0001-5970-051X